

Экзопланета Гигулатикус

Виктор Федс

Виктор Федс

Экзопланета Гигулатикус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70026079

SelfPub; 2024

Аннотация

Книга эта об экзопланете, на которой люди осваиваются, живя в экопоселении. Помимо людей – есть там и коренные разумные обитатели, гигулаты. Есть, конечно, и роботы. Есть герой! Фантастика. Научная фантастика. Постепенно, глава за главой, хочется выстраивать тут что-то лёгкое. Моделировать словами тёплый, живой, реальный(!) как бы мир. Словно на некоторых светлых воздушных полотнах, у ряда импрессионистов. Но только словами. Ещё, есть желание слепить что-то такое, что уводило бы читателя от привычного, земляного, избитого что ли.

Содержание

Глава 1 Дорога	4
Глава 2 Андроид в мясной лавке	12
Глава 3 КЛУМБА глазами десятилетнего ребенка	21
Глава 4 Поселение Папирус	28
Глава 5 Космический корабль Петагма	33
Глава 6 Пиксельный поток	38
Глава 7 Долина Джеландаг	43
Глава 8 Гигулаты	46
Глава 9 Кабина №1721	50
Глава 10 Ихос	53
Глава 11 Джей и робот Игрек спорят	55

Виктор Федс

Экзопланета Гигулатикус

Глава 1 Дорога

*В пути года, как вёрсты,
стали:
По ним, как некий пилигрим,
Бреду перед собой самим...
Андрей Бельй*

Порой это был равномерный убаюкивающий звук. Но чаще скачкообразный, плюхающий, клопочущий грязевой жижей луж. Звук.

Путь представлял собой сменяющие друг друга участки бездорожья полного и бездорожья умеренного, эдакого степного. И от того дорога шуршала, ухала, говорила, мямлила.

Ф-атом, транспортное средство для оперативного решения всевозможных научно-исследовательских задач, детище "Кинитируса", неуверенно ехал по земле на своих парковочных колёсах, никак не желая преодолевать гравитацию настолько, чтобы парить.

"Как на Луне, на тамошнем музейном луномобиле", – думал про себя Джей, то и дело останавливаясь и оценивая состояние своего любимого арахноволоконного "друга", вы-

нужденного теперь влачиться по кочкам, ухабам, ямам.

Мысль заявить о поломке Джей отгонял. Изображать ступор и непонимание или что-то выдумывать о неисправности Ф-атома ему не хотелось. Честно объясняться по поводу своего технического эксперимента озадачивало: на днях он умудрился переиначить свою посудину, и она вместо заданных производителем двух метров стала подниматься в воздух на целых двадцать, что придало ей ряд удобств в здешней лесостепной среде.

Была и другая причина, по которой Джей готов был медленно ползти сейчас. Это – местность. Она напоминала ему ту, далекую, из прошлого, где он, в детстве, бежал с мальчишками на обрывы нырять и купаться. И какие-то ивы, и овражки, и поворот речки, и близость леса. И всё такое похожее: приречные мрежи, сосны, пни, бьющие из-под земли ключики, образующие тут и там небольшие ямки, наполненные водой.

Ему даже подумалось, что если пройтись взглядом по песчанику вниз, в сторону речки, а затем немного вправо, то обязательно увидишь среди детворы коротко стриженную озорную Лиду с обветренными губками, и она непременно улыбнётся, поймав робкий неуверенный, но заинтересованный его мальчишеский взгляд. Лучезарная Лида. Ему с приятным холодом сожмет грудь, и он улыбнется Лиде в ответ. А потом её окликнут, и она побежит с девчонками в воду.

Воспоминания, тёплые, детские, ещё совсем-совсем чи-

стые, стали почему-то оживать внутри Джея с такой силой, что он опять остановил свой Ф-атом, но, на сей раз, прежде чем осмотреть его, стал вытягивать голову, несколько наклоняясь с опорой на правую ногу в сторону оврага и глядя на берег.

К его удивлению и берег был точь-в-точь такой же, как в детстве: и по своей протяжённости от обрыва до реки, и даже как будто по такому же количеству собравшихся у воды ив, по соснам, видневшимся вдаль. Но только Лиды на берегу не было. Да и вообще, – ничего не указывало на какое-либо и когда-либо присутствие людей в этой местности.

Постояв некоторое время так, он стал ощущать какой-то непонятный набор сконцентрированных чувств, где уже было не только что-то от детства, но и шлейф от свежести ушедшей юности, и что-то от мчащейся розовым конём молодости и от туманности представляемого будущего.

Неожиданно самопроизвольно взметнувшийся на метр-полтора вверх и снова опустившийся на землю Ф-атом – осадил Джея. Бросившаяся на корпусе фары декоративно выведенная им надпись "J11" как бы заявила: "Доношу до твоего сведения, что пора бы уже окончательно решить: влачиться так или все же сообщить о неисправности". Сильным нажатием большого пальца он не спеша протёр свою пометку. Незамысловатая и тут же заблестевшая "J11" – была как будто свежей, хотя Джей выгравировал её несколько лет назад.

Ф-атом представлял собой шедевр научно-технической и

инженерной мысли. Это было невероятно простое в обращении двухместное воздушное судно, способное осуществлять перелёты на громадные расстояния. Экземпляр Джея был преимущественно красного цвета, незначительные его участки имели серые вставки. Техника с подобным балансом красного и серого всегда привлекала внимание Джея, начиная с тех стародавних времён, когда Джей целым потоком рассматривал всевозможные картинки и видеоряды с агрегатами. В ту пору фокусировки как таковой у него не наблюдалось, интересовало всё: машины всех назначений и видов. Тогда же, то, что из различной массы агрегатов попадалось ему на всевозможных бумажных носителях, он систематически вырезал, вырезки состыковывал, что-то подрисовывал, а затем делал из некоторых комбинаций причудливые коллажи. Позже ко всему этому подключилось постоянное рисование и моделирование всё той же техники, но только посредством доброго десятка компьютерных программ. И еще более причудливые коллажи и полотна то и дело стали появляться виртуально. Ему между тем нередко приходилось слышать то от одного, то от другого нечто вроде: "О! Нет-нет, это технарь!", "Ты подойди с толком, изобретение машин не должно быть просто на картинках у тебя". Но если кому-то дано было бы видеть, что творилось у него внутри со всеми этими картинками в тот или иной период его взросления, то никто никогда не обнаружил бы, что там присутствовал какой-то план, даже и в юношеские годы Джея; но

всякий бы обнаружил: стоило Джею что-то прочитать, что-то увидеть про технику, и его ум включался, и завязывалось это бурное творчество. Творчество, в котором всё вращалось вокруг машин, начиная с каких-то мелких вырезанных деталей и заканчивая тщательно прорисованными двигателями, причудливыми радиаторами, корпусами и прочим, и прочим. Каждый такой творческий порыв, без какой бы то ни было цели, без всякого плана, выливался в какое-то много-часовое безудержное уединенное погружение. А потом каждый такой творческий порыв – резко заканчивался, не доведенный до какого-то внятного итога. А далее – навсегда исчезал со своими созданными "декорациям", "игрушками". Исчезал в папках с названием "Потом" или "Идеи" – места, где снова и снова оседали какие-нибудь сумбурные коллажи, погребались 3D-модели агрегатов с непонятным назначением, хоронились незавершенные наброски техногенных комиксов да зарисовки платформер-игр с машинками-героями. Отроческое, подростковое, юношеское творчество ради самого творчества.

Убедившись, что износостойкости парковочных колёс J11 хватит для того, чтобы докатить на них до своих, Джей твёрдо решил возвращаться, не заявляя о поломке. Он опустил защитно-навигационное стекло шлема, перешёл в старый добрый режим глазного управления и указал на "Продолжить", мерный голос произнёс: "Глава 12".

Роман "Над пропастью во ржи", уже давно, глава за гла-

вою, набегамы, протекал у Джея вскользь, для галочки. Ничего не трогало его в этом произведении Джерома Сэлинджера, но ничто и не отталкивало.

Небесное светило нежно грело спину. Ноздри наполняло ароматом разнотравья, которое на максимальной (парковочной) скорости 20 км/ч делалось каким-то идеально перемешанным и приятно выраженным. Что-то было здесь от Кипрея, но его цветов нигде не было видно. Что-то было от медуницы и мяты, но и их тут не наблюдалось. Всё это скреплялось плакучей прохладцей ив, уже виденных Джемом, а от воды доносился лишь железный запах песка и ни малейшего запаха рыбы.

Передвижение на карликовых парковочных колёсах, предназначенных лишь для того, чтобы транспортировать Ф-атом на короткие расстояния, например, от места посадки до бокса или до ремонтной мастерской и тому подобное, – могло бы породить мысль об амбивалентности сложившейся картины. Так, человек на лоне как будто совсем нетронутой природы медленно тащится на какой-то непонятной конструкции, вместо того, чтобы быть частью этой природы, передвигаться по земле совсем без всяких приспособлений.

Но, сейчас, почему-то, Джей, влачась, чувствовал себя гармоничным звеном этого места. Он, привыкший к полётам и перелетам, теперь соприкасался с землей. Нежно-зеленая трава своей плотной массой приятно гладила его голени. Редкие кустики временами щекотали обнажённую часть но-

ги на стыке фатомных ботинок и штанов. То и дело выскакивающие из шелестящей растительности потревоженные насекомые, наподобие не то цикад, не то кузнечиков, – ударялись о плечи, отскакивали от лощёной поверхности ко-сухи, расправляя свои крылышки, и невредимые приземлялись вдали.

Мерный голос, наполнявший фатомный шлем Джея про-изнёс:

"Я себе представил, как маленькие ребятнишки играют ве-чером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на са-мом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребятнишек, чтобы они не сорвались в пропасть. По-нимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я под-бегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-насто-ящему. Наверно, я дурак".

Джей на секунду зажмурил левый глаз, чтобы остановить запись и подумал: "Какой прекрасный образ. Ловец детей. Ловец человеков!"

Продолжать слушать он не стал и несколько часов ехал лишь под звуки дороги и лёгкой тихой фоновой музыки.

Уже едва грело, когда время приближалось к вечеру. Но воздух плыл, парил, колебался. И поселение Папирус, как мираж, давно виднелось сквозь это беспламенное марево.

Конец Главы 1.

Глава 2 Андроид в мясной лавке

Отношения между роботом и человеком намного ближе, чем они могут быть между двумя роботами.

Виктор Стокер

Мясная лавка с незамысловатым названием "Мясо" представляла собой небольшое чистое помещение, в котором, судя по всему, был недавно произведен капитальный ремонт. В основном здесь трудились Танечка, тучная женщина в расцвете сил, и её напарница Ленок, которая была несколько моложе и атлетического телосложения. Обе отличались неподдельной приветливостью. Приветливость Танечки была какой-то особенной, душегреющей. Наверное, благодаря её миловидному лицу с розовыми щёчками, украшенными ямочками.

Ежедневно, с 10:00 до 14:00, Танечка обслуживала тех, кто заходил в их магазинчик. Ленок же преимущественно занималась мясом для доставки. Нередко весь их четырехчасовой рабочий день протекал таким образом, что они вместе сортировали, фасовали и упаковывали мясную продукцию только лишь для доставки. Танечку и Ленку подменяли редко. Иногда в рабочей зоне их магазинчика бывал низкорослый коренастый Маруф с широченными руками. Всегда молчаливый и погружённый в себя мужчина не задерживал-

ся здесь дольше одного часа. Появившись, он начинал быстро перетаскивать увесистые части туш из своей машины в холодильную камеру лавки. Затем, рядом, что-то сортировал внутри морозильного ларя. Далее, как правило, переходил к колоде, на которой резкими и точными ударами топора рубил большие куски мяса. Нарубленное аккуратно размещал на разделочном столе и мигом исчезал.

Мясо из этой лавочки в прямом и переносном смысле – разлеталось. В смысле прямом – выглядело очень наглядно, когда Танечка и Ленок раскладывали контейнеры со свежийной в ячейки дронов, и заказы отправлялись по разным уголкам Москвы и Подмосковья.

Был тёплый ясный солнечный весенний день, когда в районе 11:30 в лавку "Мясо" зашел робот Игрек с молодым любопытным шпицем на поводке.

– О! Ну вот кто у нас не ленится собственнлично приходить за покупками! – сказала Ленок.

– Да-да! – ответил робот Игрек и подошел к аккуратной витрине с сочной и парной нарезкой.

– А дружка своего забыл с внешней стороны оставить? – спросила Танечка.

– О, да, – замешкавшись, произнес Игрек.

– Ладно, в следующий раз не забывай. Как твои дела? Как проводишь время?

– Я несколько дней как пенсионер. Теперь я не плачу налоги. Но самое главное, что отныне я могу долго ходить

по магазинам и выбирать лучшие продукты, чтобы готовить очень полезную еду для Идит Яковлевны.

– И пёсик везде с тобой, – продолжала Танечка, – небось вот кто точно доволен твоим выходом на пенсию?

– А, да, Октант. Он доволен. Соседка недавно завела его. Но в последнее время я прогуливаюсь с пёсиком вместе.

– Понятно. Чего тебе надо купить на сей раз?

– Минутку, – ответил Игрек и стал внимательно рассматривать витрину с мясом.

Игрек был особенный робот. Далеко не шедевр, но со свободным протоколом. Его хозяйка, многоуважаемая Идит Яковлевна Выготская, математик, доктор физико-математических наук, заслуженный профессор МГУ, хлопотала, чтобы за её андроидом закрепился статус свободного. Именно она столь незатейливо нарекла робота. И если про математическую грань этого имени ей, известному математику, не приходилось особо что-то кому-то объяснять-рассказывать, то про другую грань она при случае выражалась развернуто. Тогда, как правило, интересующиеся именем робота слышали такую речь: "Имя Игрек – это не только очевидная математическая задумка, но и педагогическая. Игра-Игрек! Игр-Игр! Слышите созвучие?! Игра! Да, игра! Игра – это очень важно для развития. И этот андроид любит играть. Открою вам секрет: Игрек вырос на играх, он такой во многом благодаря им".

О влиянии тех или иных игр на свободный протокол хо-

дили споры. Но, по мнению ряда учёных, вошедших в семью Выготских, именно разработанные Выготскими игры – внесли неоспоримый вклад в формирование свободного протокола андроида Игрека. Конечно, это не привело к заводскому производству андроидов со свободным протоколом. И расположенные к робототехнике люди по-прежнему мирились с тем, что с выпуском модели рождается лишь запрограммированный робот. Многие не понимали, почему свободного андроида можно только взрастить при определенном многолетнем взаимодействии человека с роботом. Единицы, пытавшиеся нащупать, что это должно быть за взаимодействие, на чём оно должно основываться, как выстраиваться – двигались методом проб и ошибок. А в случае каких-то индивидуальных, скорее случайных, прорывов в этой области – годами проходили различные инстанции и тестировали, тестировали своего робота для закрепления за ним статуса андроида со свободным протоколом. И если такой статус был подтвержден – ни один из экспериментаторов не восклицал "Эврика!", а скромно почёсывал в затылке и думал про себя: "Как же так это всё-таки как-то получилось?"

В пору трудовой активности Идит Яковлевны Игрек постоянно ходил в безупречном костюме-тройке, с галстуком. Но сейчас Идит Яковлевна была уже как почти полвека вдовой на пенсии, вдовой без детей, без внуков. Она давно сменила строгую деловую одежду, которую в своё время так любила, на лёгкую, непринужденную, молодёжную. Вот и Иг-

рек стоял в мясной лавке в потёртых чёрных шортах, местами покрытых белой собачьей шерстью, да в худи фиолетового цвета с тусклой серой инкрустацией. Инкрустация эта представляла собой декорированные фрагменты сибирских наскальных рисунков.

Тонкие металлические ноги Игрека, наподобие протезов в красных кроссовках, как китайские палочки из упаковки, выходили из шорт. Твёрдопластиковая, частично покрытая серо-розовыми силиконистыми фибрами голова с ограниченным набором мимических кодов, – придавала Игреку некую кукловидность, что не лишало его какого-то шарма, но шарма всё ж таки какого-то живого. В целом же, сейчас, андроид выглядел, словно безобидный старичок-терминатор в молодежной одежде. Это, бесспорно, располагало к нему. Но у такой "старости" была причина, которая коренилась в несколько криво сформировавшихся механизмах подражания Игрека. Так, робот основательно копировал не только стилистику в одеянии, но и биомеханику движения и ходьбы своей хозяйки. И если в пору зрелости Идит Яковлевны Игрек оперативно выполнял всевозможные задачи, то теперь он, естественно, двигался, по-старчески. И хотя, в отличие от слёгшей хозяйки, он не был прикован к постели, – временами казалось, что и он вот-вот сляжет.

Покупка в мясной лавочке затягивалось. Шпиц Октант уже намотал несколько витков поводка вокруг ног робота, а андроид всё никак не озвучивал, что ему требуется приоб-

рести. Конечно, своей операционной системой он уже давно произвел всё нужное: оценил, что имеется в наличии, подготовил речь для заказа, но молчал. Его правая рука, неуверенно и медленно, погружалась то в один, то в другой карман его одежды в поисках чего-то. Он, как это было с ним с давних пор, и к чему Танечка и Ленок привыкли, искал бумажку со списком хозяйки. Дело в том, что Идит Яковлевна, постарев, стала подзабывать о невероятных возможностях памяти Игрека, и приноровила его к, безусловно, ненужным спискам продуктов, которые она каждый раз составляла заранее и клала на небольшую полочку с иконками, на краешек края. Перед каждым походом за покупками Игрек осторожно дотрагивался до этого краешка, и список, с которыми он вынужден был послушно сверяться, оказывался в его подвижных пальцах.

Наконец Игрек вынул записку из шорт с множеством карманов, посмотрел на нее и произнес: суповой набор на одну трёхлитровую кастрюлю, говяжью печень и свиной фарш по одному килограмму, два полукилограммовых кормовых шпиц-набора из обрезков.

Собрав заказ Игрека, Танечка и Ленок, простодушно посмеиваясь, размотали поводок шпица с ног андроида, сказали ему что-то напутственное, очень шутивное, и помогли выйти из мясной лавки. Робот отправился домой, сократив поводок Октанта настолько, чтобы тот семенил рядом. По дороге Игрек несколько раз останавливался, осматривался

по сторонам, подсчитывал множество пролетающих над головой торговых дронов, делал какие-то одному ему известные выводы. Прежде чем зайти домой, – он вернул соседке шпица, вручил приобретенные для него мясные обрезки и согласовал время следующего выгуливания Октанта.

Переступив порог уже своей квартиры, андроид не спеша переобулся в тапки и, шаркая, направился к холодильнику положить суповой набор и прочее.

Поприветствовав Идит Яковлевну, он заговорил про погоду, затем про шпица, но она ничего не произносила в ответ. Подойдя, он обнаружил её бездыханной.

Позже эксперты определили причину смерти от остановки сердца; кто-то из них очень верно, как показалось Игреку, выразился: "Просто весь её организм отработал своё". Старушка скончалась в возрасте 113 лет.

Завещание Выготской было коротким. Своё тело она завещала земле, рядом с покойным мужем. Робота Игрека, всё имущество и все сбережения она завещала Миссии №3 "Экзопланета Гигулатикус".

Спустя пару каких-то месяцев, Игрек в последний раз выгуливал шпица, прощался с Танечкой и Ленком, покупая пёсику привычный кормовой набор. Старушка-соседка тепло провожала андроида, переживая, что Октант очень привык к нему, будет тосковать и, возможно, скулить.

Вечером того же дня робот уже был в Южной Сибири. Утром же следующего дня целый экипаж (десять человек и

Игрек) отправился на посадку в ракету "ЭЗЛ8-МЗ" для отбытия на Луну. На этом естественном спутнике Земли экипажу предстояло пробыть несколько недель, дожидаясь прилёта девятой и итоговой "ЭЗЛ9-МЗ" с идентичным количественным составом: десять человек и один робот. А далее всей собранной на Луне команде, 90 человек и 9 роботов со свободным протоколом, предстояло отправиться на экзопланету Гигулатикус. Космический корабль Петагма, произведенный на Луне, был полностью готов для этого.

Перед посадкой на "ЭЗЛ8-МЗ", Игрек не переставал считать всевозможную информацию. Всё ему было интересно. В особенности люди. Он вертел головой, заносил в память все образы, внимая попутно разговорам о перелёте. Его как-то особенно привлекла семья Лазаревых. В первую очередь, Игрек зацепился взглядом за главу семейства, который внешне весь очень походил на покойного профессора Выготского, мужа Идит Яковлевны.

А несколько позже лицо доктора Лазаревой показалось роботу выразительным настолько, что он внимательно рассмотрел все черты своей попутчицы посредством внутренней опции "Калька". При фиксации на чьём-либо лице – опция позволяла роботу мгновенно, потоком, визуализировать для себя (в своей голове) множество фотоматериалов с этим лицом, фотографий из различных уголков виртуального пространства. Примечательно, что на этот раз "Калька" ошибочно занесла в голову Игрека один живописный порт-

рет. Древний "Портрет молодой женщины, 1915 г." принадлежал кисти З.Е. Серебряковой. Изображенная на нём особа, действительно, так походила на доктора Лазареву.

Сынишка же Лазаревых и вовсе пленил робота. Десятилетний Ванюшка, единственный ребёнок в семье, в своей ультрасовременной одежде и со стрижкой "горшок" выглядел, как какая-то живая ретрофутуристическая картинка. К тому же Ваня не сводил глаз с Игрека, и робот считывал, что мальчонка расположен к нему.

Был полдень, когда в "ЭЗЛ8-М3" зазвучал обратный отсчет. Спустя секунды ракета молниеносно рассекла слои атмосферы и устремилась в открытый космос, на лунную базу КЛУМБА.

Конец Главы 2.

Глава 3 КЛУМБА глазами десятилетнего ребенка

Когда бы луна
Не поселилась, сияя,
В пруду среди скал,
Разве я мог бы исчислить,
Сколько в нём капель воды?!
Минамото-но Цунэнобу

Можно вообще всю эту главу сделать в стиле Фолкнера: роман "Звук и ярость". Но можно микс. И, вообще, хорошо б главу сшить немного шаловливой, неструктурированной, размытой, намалёванной, но и одновременно атмосферной, – местами, как сон. Да, так надо б как-то, постараться, сделать!

Тепло. Только дурацкий костюм надоел. Без него лучше – можно прыгать, как кузнечик. На Луне хорошо – тут очень легко плавать. Интересно, сегодня пойдём в бассейн? Что все трезвонят про это затмение? То, что это солнечное затмение ещё понятно. А почему также одновременно и лунное – не понятно. Лучше бы в бассейн. Здесь как бы лучше всего придумали бассейн и луномобили всякие!

Шла вторая неделя с момента прибытия на Луну ракеты "ЭЗЛ8-М3" с восьмой группой тех, чей путь пролегал на эк-

зопланету Гигулатикус. За это время Ванечка Лазарев увидел, узнал и попробовал много чего интересного, лунного. Познакомился с некоторыми людьми. Сблизился с роботом Игреком.

Земля обзревала Луну, когда Лазаревы стояли семьёй под смотровым куполом и мило общались.

– Папа, папа, ты знаешь, там просто лучше всего, – завёл очередной виток беседы Ванечка, на сей раз про бассейн КЛУМБЫ, – ты просто не был, тебе бы тоже очень понравилось.

– Да, и что там интересного такого, что папа не знает, – плаванье?! – провакационно и дружелюбно вмешалась Елена Дмитриевна.

– Да нет, мам, я совсем не про плаванье, а про прыжки с вышки, ты просто не прыгала.

– О! И что, как на речке, на обрывах? – спросил Павел Эдуардович.

– Да нет, па, совсем всё не так, – восторженно возразил Ваня, – вообще всё по-другому: на обрывах ты как бы падаешь в воду, а тут почти летишь: медленно всё происходит, это необычно и вообще не страшно.

– Ух ты, надо б нам вместе сходить в этот бассейн и попрыгать.

– Конечно, пап, обязательно. Мне кажется, что если на обрывах лично ты делаешь одно сальто в воду, то в этом бассейне ты легко сможешь три или даже пять.

В это время к смотровому куполу приблизился человек в скафандре с двумя роботами. Вместе они начали поочередно указывать на небольшую радиолокационную вышку, расположенную неподалёку. Человек в скафандре вопросительно жестикулировал, а роботы уверенно что-то ему жестикулировали в ответ. Всё их внимание было сосредоточено лишь на вышке. Похоже, они решали какие-то вопросы, связанные с недавним лунотрясением: небольшой метеорит "прорвался" и вдарил в 1000 километрах от скопления всевозможных лунных модулей. В какой-то момент человек в скафандре и один из роботов начали возиться с различными приспособлениями в небольшом переносном кейсе для инструментов. И, снизу, Ванечке комично было наблюдать, когда второй робот немножко отошел от своих коллег и неожиданно повернулся к зеркальной поверхности купола, посмотрел на своё отражение и дотронулся металлическим пальцем сперва до одного, затем до другого глаза, будто убирая из глаз пылинки. В этот момент человек в скафандре весь выпрямился и одёрнул праздного андроида, и Ванечка прочёл свежую, совсем не потёртую, словно только вышитую надпись на спине его скафандра: КЛУМБА.

Вообще, КЛУМБА была зааббревиатуренным местом. Так, всё когда-то начиналось с МЛУКБА: Международная Лунная Кратерная База, которую российские специалисты, переиграв порядок букв, стали между собой негласно называть КЛУМБА.

Когда Луна превратилась в совершенно международную территорию, с обилием корпусов и тоннелей, самый первый корпус МЛУКБА – стал Российской Лунной Кратерной Базой с новой соответствующей аббревиатурой РЛУКБА.

РЛУКБА активно ширилась по Луне своими корпусами. И тот первый корпус, с которого всё когда-то начиналось, приобрёл отдельное обозначение ЛРРЦ: Лунный Российский Развлекательный Центр. В этом Центре было много чего, помимо бассейна, – преимущественно для тех, кто размещался во встроенном здесь же российском гостиничном секторе. Аббревиатура ЛРРЦ не прижилась, и тогда-то КЛУМБА по праву вошла в оборот. С того времени на Центре этом и закрасовались две надписи большими буквами КЛУМБА и, ниже, FLOWERBED!

Ванечка запомнил, как одна пассажирка из их лунного экипажа, при самой первой встрече с этими надписями, вдруг, улыбаясь, негромко сказала кому-то: "Я вот подумала, что если дословно переводить слово "flowerbed", то получается "цветочная кровать" или "кровать для цветов", – как это красиво, как тонко и глубоко продумано; похоже, в этой рукотворной искусственной, лунной кроватке таким цветочкам как мы будет очень комфортно!"

Затмение навело мрак. Человек в скафандре и два робота, наверное, созерцали бы всё это здесь, под куполом, внутри, если бы не метеорит и вызванные им сбои. Но теперь они наблюдали снаружи. Люди и роботы под куполом. Человек

и работы на поверхности. Всё это, с роста десятилетнего ребёнка, в люминесцентных потёмках, – выглядело как-то причудливо.

Взрослые дружно разобщались. Кто-то хлопал. Некоторые пили шампанское. Несколько человек "зажгли" виртуальные бенгальские огни. Семь-восемь андроидов со свободным протоколом кучно, не без пластики, – танцевали под весьма приглушенную музыку. Кажется, в тот момент играла "Callas Went Away" древней группы Enigma. Было торжественно и таинственно!

Родители Ванечки, разъяснив ему астрономические особенности происходящего, влились в весёлый говор наиболее активных присутствовавших. Люминесцентная интерьерная подсветка стала ярче. Особенно усилился фиолет. И в фиолете этом несколько неказистый образ Игрека, на фоне всего происходящего, заиграл игрушечно, кукольно.

Ванечка подошёл к Игреку и по-шалопайски тюкнул его в предплечье левой руки. Игрек наклонил голову к мальчугану, и то, что было наверху, над смотровым куполом, больше уже его, андроида, не интересовало. Они заговорили.

Супруги Лазаревы благосклонно смотрели на крепнущую дружбу Ванечки и Игрека.

Ваня предложил роботу пойти на небольшую уютную детскую площадку, расположенную где-то тут же. Сегодня у площадки была тусклая тёплая подсветка. Игрек сел на детский стульчик, напротив детского мольберта с мелками. Ва-

нечка, набивший левую руку мелкими всевозможных цветов, начал что-то проворно рисовать, общаясь с андроидом. И в минуты, когда говорил Игрек, а Ванечка молча рисовал, бегая в разные стороны кистью правой руки по мольберту, – некоторым, с определенного отдаленного ракурса, казалось, словно они, при всей этой сегодняшней атмосферности, – видят ребенка-чревожителя.

Ванечка тем временем по-детски завидует Игреку, что его имя (Игрек) целиком укомплектовывается в одну букву "Y". На это робот, так расположенный к мальчику, утешает его и говорит, что они могут подобрать и Ванечке такое имя. Так, на мольберте, под Ваничкиным рисунком космоса, – рождается имя Джей: схема, начертанная рукой андроида: Ванечка=Иоанн=John=буква J=Джей!

Время близилось к Петагме. Лазаревы несколько раз имели возможность рассмотреть её. И если бы кто-нибудь попросил бы у Ванюшки, у которого теперь появилось новообразование представляться при знакомствах Джейем; так вот, если б кто-нибудь попросил у него кратко описать виденную им Петагму, то, вероятно, услышал бы такой ответ: "Это огромная громадина, даже не верится, что она может летать!"

Настала пора отправляться. Все девять ракетных экипажей, из тех, что прибывали на Луну по десять человек и одному роботу со свободным протоколом, – теперь были собраны в единую большую группу: Миссия №3.

Был Ильин день, когда Петагма с командой 90 человек и 9 андроидов отправилась на экзопланету Гигулатикус.

Конец Главы 3.

Глава 4 Поселение Папирус

Как же это, друзья?

Человек глядит на вишни в цвету,

А на поясе длинный меч!

Кёрай

Папирус, к которому подбирался Джей на своём Ф-атоме (см. Глава 1), представлял собой нечто своеобразное, амбивалентное.

О поселении этом у робота Игрека имелась заметка в папке "Гигулатикус": нечто вроде самого первого впечатления. Запись следующая, без датировки, фрагмент:

"Текст этот я набросал ещё в начале, очевидно, лета, когда лес пел. Когда разноголосый и многоголосый щебет птиц лился в поселенческий модуль; щебет этот то и дело колыхился_рябил, когда в этой музыке дело доходило то до кукушки, то до жабы, то до дятла, то до филина, то до птенцов сов. Это было тогда, когда осы облюбовывали чердак моего скромного жилища, муравьи всю прихожую, проказник бурндук – сад, ящеры – всевозможные ступеньки и приступочки, а пчёлы – нескошенный газон. И всех я их принимал. Тогда-то и набросал я этот текст. И то бала лучшая пора, было лучшее состояние для написания слов, которые могут прочесть".

Конец фрагмента из записи робота Игрека.

Что до общей картины, то поселение этот можно было бы назвать образцово спроектированной деревней. Но громадные космические корабли трёх Миссий, громоздившиеся недалеко от Папируса, несколько затрудняли назвать весь этот пейзаж привычной деревенской картиной. Уже от всех трёх космических кораблей тянулись провода к небольшой двухэтажной бревенчатой станции. От станции всё уходило под землю и сцеплялось с жилыми модулями. Жилые модули располагались по спирали. И возводились они очень быстро. Отсюда возникла местная поговорка: "Организовать поселение, как папирус разложить". Очевидно, эта поговорка и определила название для поселения. Посредством специального оборудования, созданного экипажем ещё первой Миссии, всевозможные модули возводились преимущественно из корабельной сосны. Точнее из деревьев, похожих на корабельную сосну. На Гигулатикусе эти деревья произрастали повсюду. От земной корабельной сосны они отличались, пожалуй, лишь тусклостью: кора была едва оранжевой, а иголки совсем серо-зелёные. Название "сосна" закрепилось за этим родом хвойных деревьев на Папирусе.

С недалекого расстояния жилые модули напоминали скопление деревянных юрт. А с дальнего пригорка вся эта спираль аилов смотрелась, как круг, словно выложенный из кафельных плиточек. Смысла в круге никакого не было, так сложилось в ходе застройки. Кто-то шутил, что из далека

Папирус смотрится, как свёрнутый папирус, – вид сбоку, на скрутку.

Так что со стороны это отчасти, только при первом взгляде, и то из иллюминаторов припаркованных кораблей, – походило чем-то на деревеньку, скорее, даже, на экопоселение. Но лишь отчасти, и лишь снаружи. Внутри же чего-то не хватало, чтобы назвать это экопоселением. И как описать это "чего-то"? Одним словом, если бы не ряд важных ресурсов от космических кораблей, то вся эта поселковская спираль растворилась бы, – люди разбрелись бы небольшими группами, некоторые лишь своими семьями, по бескрайним преимущественно благоприятным просторам Гигулатикуса. Первую миссию ещё объединяло то, что они первые, что так многое требуется исследовать тут и освоить, что, возможно, на Гигулатикусе не безопасно, и надо держаться вместе. Первые потомки еще горели этим, а последующие поколения уже не особо. Вторая Миссия по части многих моментов – прибыла на готовое. А привезенные ею новые технологии – вызвали настороженность со стороны потомков Первой Миссии, и частично дистанцировали некоторых от членов Второй Миссии. Похожая история возникла с представителями Миссии 3. Так что внутри вся эта спираль-поселок, мягко говоря, выглядела так, словно в одну вязку живьем поместили представителей целых трёх исторических эпох. Исторических эпох, вынужденных ютиться вместе из-за Космо_корабельных ресурсов: медицина, эйфеэнергия, электроэнер-

гия, IT, и, конечно, опека со стороны ИИ.

Но при всём при этом, вся эта спираль, всё это общество, удивительным образом, как однажды причудливо выразился Джей: "Всё ещё, по неясным причинам, находилось в точке Лагранжа: то есть всю эту спираль, весь этот Папирус, в социальном смысле, всё ещё не тяготило ни к стяжательству с наращиванием капитала, ни, с другой стороны, к чему-то выражено социалистическому. Не образовывались здесь родоплеменные конструкции и не выстраивались де-юре закреплённые режимы. Это, как какое-то общество без власти, "тело", которое, действительно, залипло, наверное на время, в этой самой точке Лагранжа".

Временами там да сям внутри Папируса возникали лидеры, сшивалась определённая иерархия, но всё это являлось чем-то эпизодическим и хлипким. Джей допускал, что опекунские ходы и схемы ИИ каким-то образом удерживают Папирус в такой, социальной, точке Лагранжа. Но дальше подобного допущения мысль его не уходила – он слабо интересовался всем этим.

Общественные конфликты на Папирусе временами искрились. То и дело вылазили и какие-нибудь девиации. Но за годы и десятилетия вырабатывались и какие-то механизмы профилактики этих всевозможных воронок, из-за которых могли улетучиваться порядок и худобедное людское равновесие.

Конец Главы 4.

Глава 5 Космический корабль Петагма

Час рассеки на сотню тысяч миль,
Свой путь свершай от света к свету в безднах,
Весь неизмерный круг замкнув, не ты ль
Очнешься вновь, живым, в провалах звездных?
Валерий Брюсов

Космос стоял и не двигался. И была неясность: двигается ли космический корабль Петагма. Но Петагма плыла. И космос шевелился. А через иллюминаторы это не всегда было понятно.

Внутри Петагмы роботы выполняли различные задачи. Остальной состав команды (90 человек) находился в гибернации. Гибернация не была постоянной. На этот счёт нормативные перелётные параметры на корабле выглядели следующим образом: пять лет гибернационного сна и два года активности. Активность. Она, после реабилитационного периода, отхода от гибернации, – в основном вся была направлена на расширение ЗУНов: знаний, умений, навыков. "Будущим поселенцам надобно быть подкованными во всех отношениях", – частенько звучало от профессорского состава экипажа.

В гибернационный период андроид Игрек постоянно сла-

гал стихи. Робот-поэт, он что-то пытался рифмовать ещё на Земле. Но рифмовалось у него плохо, оттого стихи он слагал в основном белые. Лишь изредка проскальзывала рифма, во многом благодаря чтению всевозможных стихотворений. Читал он на разных языках. В основном на русском, реже на английском, иногда на японском, совсем мало на идише, армянском и немецком. Слагал же свои стихи Игрек только на русском. Этот язык словно обволакивал всю его операционную систему и как будто определял даже её течение, особенности работы, функционирования.

С другими роботами Игрек взаимодействовал редко, преимущественно по трудовым задачам. Иногда он со всеми андроидами играл в настольные игры.

С выходом из гибернационного сна людской части экипажа, – что-то пробуждалось и в Игреке. И тогда меланхолия уходила из строк его белых стихов. Они с Ванечкой Лазаревым (Джеем) стали лучшими дрзьями.

Гибернационная проблематика заявляла о себе остро. Предыдущие две Миссии (как и эта третья) – в одну сторону: поселение на века. Сигналы от них были краткими: "Миссия №1 достигла места назначения. Гигулатикус пригодна для жизни", "Миссия №2 достигла места назначения и наладила взаимодействие с потомками Миссии №1". Эти сигналы шли до Земли долго. Никакой информации о последствиях гибернации не передавалось этими двумя Миссиями. А на Земле никто не ставил на людях затяжных экспериментов с

губернацией. С обезьянами и свиньями были затяжные эксперименты, а с людьми – нет. А он, этот искусственный сон, на Петагме, от пятилетки к пятилетке, заявлял о себе. В итоге: часть экипажа умерла, включая родителей Ванечки Лазарева (Джея). Когда из жизни ушла мать, ему было 23 биологических года. Когда ушёл отец – 26 лет. Тела умерших предавали космосу. Это было непривычно и странно. Тело тянется к земле. И звучало это криво: предать космосу.

Перед последней пятилеткой Джей освоил уже многие науки, овладел изрядным количеством умений и навыков. Да, в промежутках между какими-то пятилетками он с головой погружался в изучение механики: помимо теории, – объездил и перебрал множество агрегатов в ангаре Петагмы. Именно там он обкатал своего арахноволоконного "друга": Ф-атом, – J11.

Петагма приземлилась на Гигулатикус. Людской состав экипажа Миссии №3 сократился с 90 до 70 человек, состав андроидов остался тем же (9 роботов со свободным протоколом).

Когда нога Джея ступила на Гигулатикус, его биологический возраст – 33 года.

Расшифровка некоторых пасхалок:

1.Главный герой Ванечка Лазарев. В Главе 3 "КЛУМБА глазами десятилетнего ребенка" – обозначено, что десятилетний Ванечка, общаясь с роботом Игреком на Луне, на базе КЛУМБА, как бы завидует Игреку, что его имя (Игрек)

целиком укомплектовывается в одну букву "У". На это робот, так расположенный к мальчику, утешает его и говорит, что они могут подобрать и Ванечке такое имя. Так рождается: Ванечка=Иоанн=John=буква "J"=Джей!

2.Арахноволоконный летательный агрегат Джея Ф-атом J11. Когда Джей, на космическом корабле Петагма, в промежутках между гибернационными пятилетками осваивает предмет религиоведение, ему врезается, западает в душу 11 глава из Евангелия от Иоанна. Именно по этой причине Джей декоративно выводит на корпусе фары Ф-атома надпись "J11".

3.Фамилия Ванечки – Лазарев. Это опять же отсылка к 11 главе Евангелия от Иоанна. В этой главе мы соприкасаемся с чудом воскрешения четырёхдневного Лазаря Иисусом Христом.

4.Из 90 человек Миссии №3 на Гигулатикус ступают только 70. Здесь 70 – это отсылка к 70 апостолам, о которых, например, упоминает святой евангелист Лука (Лк.10:1).

5.Биологический возраст Джея в момент приземления на Гигулатикус – 33 года. Это отсылка к некоторым преданиям о возрасте библейского Адама в момент его сотворения Богом.

Но! В моём романе "Экзопланета Гигулатикус" не так, как, например, в поэме Блока "Двенадцать": ни одна библейская цифра, в том или ином направлении, думаю, – не развернется у меня, не отыграет в моём романе. Просто ка-

кую-то библейскость мне хочется вшить в некоторые пасхалки. Не все пасхалки в моём романе связаны с библейской тематикой.

Конец Главы 5.

Глава 6 Пиксельный поток

Не ты ли ждала меня в этом углу, где я очутился в возрасте моего одиночества?

Пабло Неруда

Пиксельный поток являлся привычным делом для всего экипажа Миссии №3 на экзопланету Гигулатикус. Преимущественно посредством него люди и роботы получали всевозможные ЗУНЫ (знания, умения, навыки) на Петагме, в ходе перелёта. Джею особенно нравилось изучать историю разных стран планеты Земля в потоке пикселей. Благодаря этому потоку обучающийся мог (как живую) присутствовать на различных исторически знаковых конференциях, собраниях, соборах, вече и тому подобное. Мог даже побывать в окопах в качестве рядового солдата на тех или иных войнах прошлого. Окопы XX века запечатлелись у Джея. Из некоторых таких окопов он выходил, чтобы рассматривать военную технику различных стран, – Пиксельный поток позволял проделывать и такое.

Добравшись до Папируса, Джей аккуратно припарковал свой Ф-атом около недавно возведенной небольшой ячейки №1721 и, утомлённый дорогой (см. Глава 1), приняв душ и перекусив, он принял две таблетки. Безобидный "Эхолом" для расслабления мышц и нервной системы начал действо-

вать. Он залёг на диван. Вечер был поздний, но в сон не тянуло. Джей запустил домашний пиксельный поток и задал параметры для фильма.

В параметрах значилось:

–продолжительность: два часа;

–жанр: триллер с неожиданной развязкой;

–локация: экопоселение в лесу на планете Земля; по устройству, как Зибен Линден, но где-нибудь в Нидерландах;

–музыкальное сопровождение: эпизодическое, умеренное, музыка в стиле нейрохаус;

–главные герои: две молодые семьи из экопоселения;

–внешние и внутренние особенности главных и второстепенных действующих лиц: сделать произвольный микс из последних пяти фильмов;

–особенности конфликта: неприязнь к ценностям экопоселения у некоторых героев;

–специфика протекания конфликта: некоторые герои могут умереть, но без визуализации насилия и кровопролития.

Пиксельный поток запустился и начал обволакивать Джея. Лёжа на диване, он очутился в фильме. Сюжет прекрасно выстроился и затянул Джея. Лишь несколько раз, на первых минутах фильма, он останавливал ход событий для того, чтобы словесно отредактировать внешний облик нескольких героев; играли они безупречно, но внешность их, произвольно сложившаяся внешность, – несколько не устраивала Джея. В итоге всё пошло как следует, и на двадцатой

минуте появилась Мия.

Мия была особенной пиксельной актрисой. Джей смоделировал ее на основе видеозаписей с Петагмы. Калька была с мадам Натали. Так её, профессора филологии, звали на Петагме. Сейчас Джей не был уверен, но ему казалось, что такого рода обращение к ней было связано с каким-то нашумевшим нейросетевым романом ни то XXV века, ни то более позднего периода. Джей не дознавался. Просто припоминал, что кто-то на Петагме, похоже, говорил ему об этом, что персонаж того стародавнего нейросетевого романа, героиня мадам Натали, – была профессором филологии по сюжету. Что касается до их настоящего профессора с Петагмы – мадам Натали была первой, у кого начались проблемы с выходом из губернии. После одной из сонных пятiletок ее не стало. Она была первой, кто ушел из жизни на Петагме. Джей помнил её по невероятным урокам словесности, литературы и филологии. А как она читала стихи вслух! Спустя несколько губерниационных периодов, уже когда мадам Натали не стало, когда Джею было приблизительно двадцать биологических лет, ему даже казалось, глупо, что литература – это женщина, и, непременно, женщина с распущенными, рыжими, выющимися до плеч волосами.

В последнее время он часто думал о ней. Вероятно, полагал он, это из-за того, что самые яркие и памятные моменты их обучения и досуговой жизни на Петагме проходили тогда, когда мадам Натали было 33 года. И как ему, тогда, под-

ростку, нравилось, как она говорит, как ведёт себя с членами экипажа, даже с роботами, с Игреком. Если бы он, теперешний Джей, вернулся в ту пору сейчас, то они были бы ровесниками с мадам Натали. Различные мысли стали просачиваться в голову Джея. И в тот самый момент, когда мысли Джея стали вертеться во всех этих странных и нереальных блужданиях, – к нему, постучавшись, вошёл Игрек.

С той поры, как этот робот покинул Землю (см. Глава 2), – он изрядно изменился со стороны. Старческая полностью выветрилась из его телодвижений. Теперь любой наблюдательный глаз легко бы мог заметить, что походка Игрека, особенности его жестикуляции и прочее – так стали походить на пантомимику Джея!

Игрек жил рядом с Джеем. Роботам со свободным протоколом выдавалось собственное жильё по желанию. Игрек желание выразил, так как он предпочитал заниматься поэзией в уединении.

Джей поставил на паузу Пиксельный поток. Игрек поприветствовал Джея и начал говорить о своём поэтическом настроении от недавнего пребывания в Джеландаге. О том, что его особенно вдохновляют песни гигулатки Ихос. Он призывает Джея посмотреть на Ихос, послушать её песни. Джей говорит, что он, может быть, и поехал бы в восточную местность, в этот Джеландаг, если бы там всё не закартографировали ещё представители Миссии №1. Теперь же он заинтересован картографированием карстовых пещер на западе

Гигулатикуса, и ехать за песнями какой-то Ихос в далёкий Джеландаг ему совсем не сподручно.

Игрек смиряется и интересуется, чем занят сейчас Джей, как коротает вечер. Джей, улыбаясь, говорит, что Игрек отвлек его на самом интересном в Пиксельном потоке. Затем Джей кратко пересказывает Игреку содержание начала фильма и предлагает Игреку продолжить просмотр вместе. Они продолжают смотреть фильм вместе. Когда Игрек видит Мию, рыжеволосую пиксельную актрису, героиню фильма, он замечает Джею, что она невероятно похожа на умершую мадам Натали, профессора филологии с Петагмы, и, одновременно, на гигулатку Ихос. – Ту самую Ихос, песнями которой, он, андроид, так вдохновлялся давеча.

Джея это задевает.

После просмотра фильма, прежде чем Игрек уходит в свой жилой модуль, – Джей договаривается с ним слётать в Джеландаг. – Отправиться сразу, как Ф-атом будет починен.

Конец Главы 6.

Глава 7 Долина Джеландаг

Всё песнословит Тебя.

прп. Ефрем Сирин

Кругом цвели босвеллии.

И пахло ладаном.

По окраинам долины, на взгорьях, мерно качались и поскрипывали корабельные сосны.

Нежно шумела небыстрая речушка.

Пели птицы.

И дуновение ветра – было тихим.

У гигулатов отсутствовала письменность. И нельзя было сослаться на какой-то текст, где чёрным по белому сказано, что Джеландаг – это то-то и то-то. Оставалось лишь догадываться по гигулатам, что Джеландаг – это такой набор звуков, музыка которых лучше всего отражает характер данной местности. Гигулаты произносил "Джеландаг" протяжно, пропеваючи, с двойным повторением ударного "а" в конце слова.

Где-то, в глубине Джеландага, горел небольшой куст.

Он горел постоянно, не затухая.

Пытливые умы Миссии №1, обнаружив это место, пробовали воспламенять от этого куста всевозможные сучья и ветки, и всё воспламенялось.

Пламя изучали. –

В нём не было ничего необычного: горит куст.

Необычность была разве в том, что пламя это почему-то не обжигало.

Ещё, странная штука, – гигулаты никогда ничего не зажигали от этого куста.

Кто-то из профессорского состава Миссии №1 выдвинул даже такого рода гипотезу; Джей не мог припомнить, где он сталкивался с такого рода текстом:

"Вся эта история похожа на библейскую, только вместо дерева познания добра и зла – этот горящий куст. И, похоже, они, эти гигулаты, в отличии от Адама и Евы, не отступили и ни под какими предложениями не хотят отступить, очевидно, от заповеди Творца. А зповедь у них, похоже, – ничего не зажигать от этого огненного куста".

Благолепие, уют, мирность долины Джеландаг – были непередаваемые. Человеку ничего не хотелось обустроить здесь. Самой природой здесь было всё как-то обустроено. Но и здесь человек, при длительном пребывании, начинал сперва скучать, потом брался что-то исследовать, затем во что-то грубо вторгаться.

Гигулаты не скучали никогда. Словно их умы были заняты каким-то внутренним мирным пребыванием и, возможно, богопознанием.

К слову, Джей, роясь как-то в раритетах местного музея "Человек и Гигулатикус", обнаружил такого рода текст,

неожиданный, в заметках какого-то учёного, представителя Первой Миссии:

"Они словно неразлучны с Творцом, эти гигулаты. И вся эта местность Джеландаг всем своим видом и благоуханием – словно славит Господа".

Конец Главы 7.

Глава 8 Гигулаты

Золото земли ослепляло. Дали грезили ночью.

Федерико Гарсиа Лорка

Гигулаты двигались мирно. Часто пели.

Пение необычное. Непривычное для человеческого уха. Пение не земляное, как будто не о земном. Пение горе, горнее. Сакральное. Оно, почему-то, не надоедало, как не надоедает пение птиц в лесу.

Телеса гигулатов походили на фигуры артистов балета, но были несколько справней, – это не умаляло ни грации, ни лёгкости гигулатов. Наигранность в гигулатах отсутствовала. Сплошная естественность.

Как и люди, они несколько отличались друг от друга разрезом и цветом глаз, цветом и характером волос, цветом кожи. Взгляд их походил на детский, но преобладал ум. Что-то было во взгляде их и от святых пожилых людей, но только блеска, гармонии и радости в глазах гигулатов было больше.

Джею попадались и нравились такого рода заметки о гигулатах. – Заметки священника. Отца Георгия. Этого, по всей видимости, чуткого и чувствительного чудака, перекочевавшего на Гигулатикус с какого-то сибирского поселка планеты Земля. Заметки неструктурированные. Заметки, как по наитию. Заметки разных времён, поскольку написаны то руч-

кой, то карандашом, то маркерами разных цветов. Заметки без датировки. Некоторые из этих заметок Джей фотографировал. Фотографии с текстами шли таким чередом:

"Удивительно, что в таких далёких далях эти существа, гигулаты, – внешне ничем не отличаются от человека".

"Хорошо, что наша Миссия №1 не навязывает своих ценностей этим гигулатам. Они не нуждаются ни в каких наших ценностях".

"Грех окутывает и обволакивает нас, где бы мы ни находились. А гигулатов нет. У меня на этот счёт лишь одно предположение: они никогда не теряли и не теряют связи с нашим общим Творцом".

"Крестить их не надо. Зло, лезть не гнездится в их сердцах. Не смею исключать, что гигулаты бессмертны, но это надо как-то пронаблюдать, зафиксировать. Можно, конечно, этого и не делать".

"Питаются гигулаты как будто огнем, – греясь у этого своего горящего куста. Человекоподобные. Но размножаются странно – как это похоже на то, о чём у кого-то их христиан приходилось мне читать про размножение не жидким путём, про размножение путём умным. Как ангелы воплотили. Они блаженны".

"Сегодня я наблюдал за одной гигулаткой. Наверное, она даже этого не заметила. Она сидела на своей правой стопе, опершись подбородком на левое колено, медленно набирала песок в руки, ещё медленнее сыпала его перед собой, что-

то выводила на нём и – пела. Её рыжие волосы то и дело мерно вздымались от дуновения нежного ветерка. И тут-то я вспомнил Исикаву Такубоку, пятистишие из его "Горесть песка":

Да, говорят недаром,
Что так прекрасна прядка волос,
Случайно упавшая на лицо.
Я засмотрелся,
Пока ты писала.

"Они поют и так общаются друг с другом. Наедине они поют тоже, но интонация при одиночном пении похожа на молитву, на общение с Богом. Моя душа постоянно радуется, когда я нахожусь рядом с ними в Джеландаге".

"У них нет никаких признаков ритуалов, обрядов, возможно по той причине, что они неразрывно и постоянно связаны с Творцом? Похоже, им не нужна ни вера, ни религия, – вероятно, они в постоянном богообщении?"

"Странно, что нейросеть не нашла аналогов, схожестей песен гигулатов с чем-либо. По мне – их песнопения чем-то, очень-очень отдалённо, напоминают византийский распев".

"Этот Джеландаг, как какой-то скит, где под небом собраны совершенные люди".

"У них патологически и хронически не нарушена связь с Творцом, как у нас, людей".

Тексты отца Георгия мало кого интересовали. По большому счёту, до Джея, – они постоянно пылились в музее "Че-

ловек и Гигулатикус".

С прибытием Второй Миссии интерес к гигулатам резко возрос. Вновь прибывшие пытались наладить контакт с гигулатами. Но сложность состояла в том, что джеландагские человекообразные ни в чём не испытывали нужду, были абсолютно равнодушны к суетливым инициативам людей.

Позже, по истечении нескольких десятилетий с момента прибытия Второй Миссии, кто-то из людей делал ряд попыток вывести гигулатов из себя с целью посмотреть особенности их поведения в конфликтной ситуации. Но такие попытки всегда оборачивались чем-то непредсказуемым: то обидчика, за одно лишь его намерение, – ударяла молния, то происходил иной несчастный случай. Словно какое-то провидение оберегало и хранило всех этих гигулатов. Всё это порождало всевозможные слухи и надумки. Некоторые стали даже пугать гигулатами непослушных детишек. Так что представители Миссии №3, по прибытии, отправлялись смотреть гигулатов, конечно, с интересом, но не с чистого листа, а с багажом баек, порождавших излишние опасения, а у кого-то и заведомую, заочную неприязнь.

Конец Главы 8.

Глава 9 Кабина №1721

Иногда по ночам мне становилось страшно. Казалось, подниму голову с подушки и ударюсь о звёзды головой, так что разобьются они над нашей нищетой...

Пабло Неруда

Кабиной №1721 Джей называл свой домишко на Папируссе. Кабина. Это словцо прилипло к Лазареву еще с перелёта. В промежутках между гибернационными снами, в пору, когда его биологический возраст перешёл где-то за 23 года, он с увлечением, и порой чрезмерно активно, просматривал записи кабинщиков со всевозможных уголков планеты Земля. Ему нравился стиль cabin life. Нравилось, что кабинщик не живет постоянно в своей землянке, или в лачуге, или в домике, а лишь навевывается туда на непродолжительный срок. Навевывается так, отдохнуть от города, побыть на природе, уединиться, собрать тело земляным трудом, занятиями для выживания, ну и почилить, конечно. Что-то из записей кабинщиков Джей перенес в Пиксельный поток и с упоением "купался" в сюжетах с лесом, горами, ручьями, снегами. Особенно ему нравились пикселяции почему-то сибирской природы. Когда он уделял им внимание, то излюбленным его делом было погрузиться вглубь тайги и замереть там, стоять этаким пнём и подолгу обозревать деревья, мхи, ручей-

ки. Японские холмистые леса ему нравились тоже. Он находил их похожими на сибирские. Где-то в 27 лет он увлекся хокку, и те трёхстишия, которые были о природе – Джей заносил в Пиксельный поток; тогда в некоторых пикселяциях возникал голос, который зачитывал хокку сперва на японском, а затем на русском языках. Такую увлеченность Лазарева разделял робот Игрек. Порой они вместе, в небольшой каюте Петагмы, бродили в Пиксельном потоке по тайге, по таёжным домикам-кабинам, и если бы стороннему зрителю довелось бы их наблюдать в тот момент без пикселяций, то он непременно счел бы их за сдвинутых-сбившихся. Но ему, юному Джею, так хотелось занять свою лесную кабину, – живую. Ему даже, порой, казалось, что он смог бы сидеть в такой кабине годами и старится до глубоких седин, ничего не зная о мире, людях, событиях. И когда, по прибытии на Гигулатикус ему определили его ячейку 1721, он назвал ее "Кабина №1721" или просто "кабина". И, конечно же, – это была по большому счету кабина, – в самом привычном понимании этого слова. И все признаки кабины и кабинщика Джея были тут на лицо. Так, например,

На этом пока закончу эту главу. Дальше – привести признаки того, что кабина Джея – это кабина, а он сам – кабинщик. Ещё, надо вставить к-н хокку в качестве эпиграфа.

Здесь-то, подле свой кабины, а точнее прямо на той её стене, что смотрела на лес, под небольшим навесом, он организовал себе нечто вроде небольшой мастерской, где рукодель-

ничал, изготавливае то да сё для быта, где периодически во-
зился с Φ -атомом.

Глава 10 Ихос

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.
Валерий Брюсов

Ф-атом рассекал воздух.

Высоко.

Человек и робот – смотрелись на Ф-атоме. -

Гармоничная картина.

Может от того, что парили друзья?

Гигулаты – не стая, а какие-то чистые существа, как на картине Матисса "Музыка". Такого рода мысль пронзила ум Джея, когда они с Игреком прибыли в Джеландаг.

Ихос сидела около горящего куста и что-то напевала.

Руками она пересыпала песок.

Цвет песка был почти такой же, как и её волосы.

Она была погружена в себя и повернулась к Джею и Игреку после того, как Игрек, взирая на неё в своём поэтическом настроении неожиданно громко, выразительно и, кажется, не совсем к месту начал цитировать Мандельштама, намеренно подталкивая Лазарева своим локотком:

Нам остаётся только имя:

Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

Ихос действительно походила на мадам Натали. Походила она и на актрису Мию, которую Джей смоделировал в пиксельном потоке своего жилого модуля, своей кабины № 1721.

Замешательство и растерянность читались на лице Лазарева.

Ихос смотрела на него светлым, чистым, открытым взглядом святого человека.

Развить эти вещи позже. Позже закончить эту главу.

Глава 11 Джей и робот Игрек спорят

Увы, неволи дни суровы
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!
Фёдор Глинка

Дело было в кабине Дджея. Кабина №1721. Месяц спустя по возвращении с Джеландага (36 земных дней).

Всё началось с заявления Игрека, что специфику протекания человеческой истории на планете Земля, особенно земных геополитических трансформаций – лучше всего понимать литературоведческим путём. А именно – посредством освоения поэзии всех землян на всех этапах их передвижений, их войн и миров, их катаклизмов. Потому что поэт – как зеркало. Поэты – как зеркала. И понимать историю землян, здесь, на Гигулатикусе, – необходимо.

Джей начал упрекать Игрека в том, что тот в своём кабинетном затворе чрезмерно сфокусировался на поэзии и мыслит как-то куце, тесно, ограниченно.

Коммуникация начала приобретать некий накал, когда Джей несколько едко проронил, что поэты – фрукты специфические. Что поэтам свойственно утрировать, натягивать,

иногда нить, скулить, проецировать свою гнилость на других людей, общество и даже на те или иные страны. Поэтам присуще чрезмерно фокусироваться на себе, играть и, в конце концов, быть даже трикстерами; что они, поэты, – зеркала кривые. Порой эти, так сказать, зеркала изрядно избалованы по жизни, некоторые с самого детства. И, стало быть, мало того, что это зеркала кривые, так некоторые зеркала ещё, получается, и дребезжащие.

Потом был кофе. Джей пил крепкий-крепкий доппио, лучше б тогда ему мяту.

Игрек кофе не пил, а пытался смягчить возбужденного и взвинченного в тот день Лазарева. Смягчал тем, что читал какие-то строки из Вергилия и подчёркивал Джею, что это так похоже на Гигулатикус. Джей пропускал это мимо ушей.

Текст Вергилия был таким:

Прежде всего, деревья создает различно природа.

Много таких, что совсем человеческой воли не знали,

Сами собою растут, по полям широко рассеваясь

Иль по извилинам рек: ветла мягколистная, тополь,

Гибкий дрок и с листвою седой серебристая ива.

Игрек ещё не успел завершить, как Джей каким-то резким оборотом закрутил разговор про поселенческую папирусную нейросеть. Джея смущало, что здешняя папирусная нейросеть для роботов, да и для многих людей, – как Бог. Но Бог – благ, а нейросеть – под вопросом, и это как бы давно аксио-

мы. А всё это прямое соединение роботов с нейросетью – что там происходит? – Человек-то этого не знает, не контролирует. Здесь они долго спорили про природу и необходимость соединения вообще. Про контроль. Приходили и к чему-то и общему, что, например, робот со свободным протоколом, как и человек, не принужден к какому-то соединению с чем бы то ни было вообще. Даже если это что бы то ни было – называется многими чуть ли ни путь и истина и жизнь.

Третья тема была женщина-земляника и женщина-гигулатка. Спор здесь подзатянулся от упёртости Джея, что модель двоица, союз мужчины и женщины, – это нечто невероятно цельное и эффективное. Робот этого не понимал. Никак не понимал даже через призму всевозможных срезов, которые словесно ухищренно делал Джей. Игрек приводил множество примеров провала всякого рода союзов вообще. Показывал, что материальная единица тоже может быть эффективна. Цитировал даже Омара Хайяма, не совсем к месту, как показалось Джею: "...лучше будь один, чем вместе с кем попало". Даже шуточно и дружелюбно попрекнул Джея, что тот, в своём затяжном кабинном затворе да в своём пиксельном потоке, чрезмерно сфокусировался на гендере. Хотел даже просто сказать Джею: "Мол, тебе, по всей видимости, нужна женщина-половинка, а мне-то, роботу, вовсе нет". Но такое говорить он не стал.

Дальше тема гендера начала как-то несколько выпячиваться. По сути, – возник монолог Джея, в котором он ушёл в

нечто теологическое, сравнивая страстную природу землян с целомудренным и каким-то святым, иным, не людским, состоянием гигулаток и гигулатов в целом. Монолог этот был жутко кривым, скачущим, замашистым. Игрек считывал эмоциональные качели Джея, молчал и давал ему выговориться. Его операционная система подсказывала ему нечто вроде: "Эко брат Джей замахнул, ух и дёрнул, но пусть уж так высоко берёт, ладно, – это всего лишь временное парение Лазарева: вспышка у него, непродолжительная".

Затем каким-то неожиданным ветром их занесло несколько на тему четвертую, на политику. Но тут Джей, образцовой человек-неполитикос, совсем зачудил. Так, очевидно не без стародавнего влияния покойного Бориса Иосифовича (с харедим-детством), гуманитария, одного из профессоров Петагмы, – Лазарев начал лепить, что на Гигулатикусе нужен царь, что царь – это хорошо. Что-то Джей цитировал, что-то стряпал от себя. Но ничто это никак не объясняло, почему здесь, на Гигулатикусе, сейчас, – да царь. На идею, что мудрый царь мог бы объединять людей и гигулатов, Игрек возразил резко, что гигулаты в царе не нуждаются, так как, очевидно, их царь – Бог. А таким противоречивым существами как люди – лучше имеющаяся папирусная нейросеть, чем человек-царь. Утомлённый разговорами Джей уже затруднялся подобрать что-то увесистое в ответ, пригодное под ситуацию на Гигулатикусе. Да и Игрек начинал, что говорится, перегреваться.

Возникла пауза.

Каждый из них начал безмолвно понимать, что, как это они называли, – пора по кабинам: время каждому вернуться к своему затвору.

Перед прощанием они повспомнили какие-то картины с планеты Земля. Кочевье, так они называли перелёт на Петагме, они повспомнили охотнее и живее.

Джей эмоционально уравновесился, но язвительно подшутил над андроидом, что после такого общения с Игреком, – хоть в пятилетку заходи, то есть в гибернационный сон. Игрек в ответ отшутился, что негатив его андроидных стихов гарантирован в случае гибернации Джея.

Был час до полуночи, когда робот отправился в свой жилой модуль, что был внутри облеплен портретами поэтов.

Джей понимал, что он любит своего друга Игрека. Игрек понимал, что он любит своего друга Джея. Джей знал, что робот Игрек – эффективная единица. Робот Игрек допускал, что, наверное, Джею нужна вторая половинка.

Конец Главы 11.